КУЛЬТУРНЫЙ ДНЕВНИК

Павел Крисевич: "Блевать на выставке законом не запрещено"

Дмитрий Волчек

22 ноября 2026

Художник-акционист Павел Крисевич с футболкой команды "Репрессия"

Художник Павел Крисевич провёл в заключении три с половиной года за акцию на Красной площади: в июне 2021 года он дважды выстрелил в воздух из охолощенного пистолета, а затем имитировал самоубийство. "Когда тебя арестовали, ты свободней, чем люди на воле, потому что в тюрьме тебя не могут снова отправить в тюрьму", – говорил он. В январе 2025 года Крисевич вышел из колонии, а в декабре, после "карусельных" арестов и угроз сотрудников ФСБ, уехал из России. Сейчас он живёт во Франции, где получил статус беженца. Летом бывшая участница группы Pussy Riot Рита Флорес рассказала, что по заданию ФСБ собирала информацию о Крисевиче, а в конце августа в России задержали его жену Елену Моргунову. После двух административных арестов ей дали три дня на то, чтобы покинуть страну. Вскоре после этого Крисевич провёл в Париже новую акцию – в Российском духовно-культурном православном центре на набережной

Бранли, где проходила выставка нижегородских художников "Системная сборка". Он вызвал у себя рвоту прямо в выставочном зале.

Павел Крисевич рассказал Радио Свобода об этой акции, тюремных рисунках и футбольной команде "Репрессия".

– Человек, который посмотрит видео вашей акции, не прочитав пояснения, решит, что вас тошнит на родину или от родины. Но посыл был более сложный и более остроумный.

– Когда художники передают своё творчество государственным организациям – государству, которое ведет захватническую войну, убивает людей, сажает их в тюрьмы, – они тем самым отдают ему полное право на своё творчество. А государство этим пользуется. В этом творчестве может быть очень много красивого, в нём могут быть заложены совсем другие смыслы, но государство переваривает его в себе и затем выблевывает в свои международные инстанции, чтобы показать, что оно на самом деле белое и пушистое.

При этом я сделал акцент на том, что государство выблевало не только художников, которые отдали свое творчество в Русский духовно-культурный центр, но и эмигрантов: нас ведь тоже в каком-то смысле выблевали. Но так бывает, что организм отвергает лекарство.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Жена акциониста Павла Крисевича в безопасности после серии арестов

– Вы специально выбрали работу, на фоне которой провели акцию, или это было спонтанное решение?

– Это была работа с надписью "Нас выбирают". Есть небольшая заминка со шрифтом, он плохо читается. Если сказать, что там написано "Нас выблевали", люди могут подумать, что так и есть. Я при этом ничего не имею против работы нижегородской художницы. Если бы она стояла в какой-нибудь частной галерее или просто находилась в России, никаких плохих вайбов от неё бы не было. Но она появилась в Русском духовно-культурном центре с замыслом показать, что Россия, по мнению государства, несёт добро и христианские ценности. Это был самый подходящий фон для тошноты.

– Есть ли конкретный человек, к которому обращена ваша акция, – художник, чей конформизм вас особо возмущает или огорчает?

– Против обычных художников, которые пытаются строить свои карьеры, занимаются творчеством и как-то петляют в российской действительности, я ничего не имею. Если бы я не занимался политикой, был бы во внутренней эмиграции, но хотел бы выставляться в России, я бы, может, тоже как-то петлял. Но красной линией для меня было бы сотрудничество с государственными структурами – особенно когда это правительство Нижегородской области, которое отправляет людей на войну.

"Выталкивая Репрессию". Рисунок Павла Крисевича, сделанный на простыне во время заключения в Бутырской тюрьме

– То есть конкретного адресата нет?

– Конкретным адресатом может быть только руководительница центра Анна Котлова — дочь Игоря Неверова, начальника управления администрации президента по внешней политике. В соцсетях она говорит, что для искусства не нужны деньги, надо просто заниматься искусством и пробиваться. Но всем ясно, что без связей отца Анна никогда бы не получила такую должность, тем более в центре Парижа.

– Ваша акция не вызвала противодействия со стороны администрации центра? Никто вас не выдворил, скандала не было?

– У меня есть подозрение, что после того, как я наблевал в этой галерее, туда больше никто в здравом уме не пришел – тем более что это были последние дни выставки. Думаю, лужа лежала там до конца дня, пока охранники не додумались обойти помещение перед закрытием.

> **Есть подозрение, что после того, как я наблевал в этой галерее, туда больше никто в здравом уме не пришел**

– Всё это произошло вскоре после того, как вашу жену задержали в России и жестоко с ней обращались. Как вы видите причину этого задержания? Хотели ли они повлиять на вас, требовали ли чего-то – или это обычный российский произвол?

– Думаю, это в большей степени произвол, типичный для современной России, где есть отдельные подразделения ФСБ, которые занимаются преследованием художников. Мы это узнали после того, как Рита Флорес рассказала, как её завербовали. Скорее всего, тот же человек, который допрашивал и курировал Риту, пытался как-то воздействовать на Лену, но у него не вышло. Они пытались что-то от Лены получить, чтобы она пошла навстречу. Но Лена – идейный человек и на такие глупости не поведется, особенно когда знает, что происходит с людьми, которые соглашаются сотрудничать с ФСБ. Она, естественно, ушла в полный отказ. Когда они поняли, что ловить нечего, они просто оставили Лену в покое и сказали ей уезжать из страны в течение трёх дней.

– То есть они хотели, чтобы она доносила на вас?

– Я не понимаю, как они это себе представляли. Если бы Лена на что-то согласилась, что бы она делала из России? Довольно странно. За мной, может быть, и так следят: по крайней мере, Рита рассказывала, что наблюдение продолжается даже за границей.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Акционист Павел Крисевич сообщил, что уехал из России

– Вы чувствуете в Париже слежку?

– Да нет, мне в Европе вообще свободно. Когда я шёл блевать в Русский дом, я думал: блин, это же надо прийти, наблевать – и что потом? А в итоге понимаешь, что живешь в свободной стране, и пока ты не занимаешься прямым вандализмом, как это было в случае Павленского, тебе вообще ничего не грозит. Главное – не трогать частную собственность без согласия владельца и не наносить никому вреда. Акционизм ведь всегда ходит по краю, изучает границы дозволенного. В России ты делаешь перформансы до того момента, пока не перегнешь и не сядешь по уголовке. Во Франции, наверное, так же: ты ищешь в этой свободе возможности делать акции так, чтобы на тебя не обращала внимания полиция.

В Русском доме тоже понимают: если бы какая-нибудь Захарова начала поднимать вой из-за того, что наблевали на дипломатическом объекте, это только дало бы художнику больше внимания. Когда я выбирал, как выразить протест против этой выставки, я выбрал такой способ, чтобы было понятно: если государство решит как-то на меня давить, это будет выглядеть нелепо. Наблевал человек на выставке – наблевал. Законом пока не запрещено.

"Настраивая угол Репрессии". Рисунок Павла Крисевича

– То есть путём Павленского вы идти не хотите? Вступать в такой же конфликт с французским государством, как с российским?

– Я против французского государства ничего не имею. Оно дало мне гораздо больше, чем российское. Художнику нужна хоть какая-то подушка безопасности в виде пособий. Пока я нахожусь в этом беженском лимбо, я могу продолжать заниматься своей деятельностью, высказываться о России и доносить это до

французов. У французов много своих проблем, и они больше внимания обращают на них. Но им просто надо периодически напоминать, что у них тут есть множество нехороших вещей, которые работают против Франции и против самих французов.

– У вас была акция в парижском музее, когда вы плутали в искусственном тумане. Это о растерянности эмигранта.

– Да, о том, что все эмигранты на самом деле потеряны в тумане, и у каждого есть только одна ценная вещь, с которой он проходит через все бюрократические проблемы, через все границы. Все мы как-то ищем свой путь. В своём случае я могу сказать, что до сих пор хожу в таком тумане. И единственное, что я могу продолжать в своей деятельности, – это выражать своё отношение к Российской Федерации и ко всему, что она совершает. Пока это единственное, за что я хватаюсь в творческом плане. Поддерживаю политзаключенных, которые находятся в России, борюсь с российским тоталитаризмом.

> **“ Единственное, что я могу продолжать в своей деятельности, – это выражать своё отношение к Российской Федерации и ко всему, что она совершает**

– Вы ведь очень не хотели уезжать. Вас буквально выдавили угрозами и обещаниями снова арестовать. Почему вы так боялись эмиграции?

– Потому что я понимал: протестному акционизму, завязанному на теме России, важно быть в России. Но любая акция, которая сейчас возможна в России, грозит десятью годами тюрьмы. Акционизм в современной России умер. Возродится он, только когда снова начнётся какая-то полоса свободы и люди снова начнут выражать своё мнение более радикальными методами, чем посты в соцсетях, – хотя сейчас и за посты можно сесть. А когда уезжаешь за границу, понимаешь, что российским СМИ ты в большей мере неинтересен, потому что это сделано в эмиграции, а французским – потому что это не о Франции.

– Когда вы проводили свою самую знаменитую и самую рискованную акцию на Красной площади, вы не понимали, что вам грозит тюрьма?

– Тогда ещё была широта трактовок. Я понимаю, что перегнул, когда взял не стартовый пистолет, а пистолет, похожий на настоящий. Если бы это был стартовый пистолет, – а он стреляет примерно с таким же шумом, – у государства было бы меньше способов слепить уголовное дело. Хотя теперь, по прошествии времени, понятно, что дело слепили не конкретно за акцию на Красной площади, а

по совокупности всего, что я наделал за два года. Они просто воспользовались тем, что можно привязать к делу охолощенный пистолет – хотя он юридически не является оружием, – чтобы раскрутить уголовное дело. Разброс был большой: от того, что меня отпустят из отдела полиции со штрафом за стрельбу в общественном месте и отберут пистолет, до того, что сотрудники ФСО просто начнут в меня стрелять. Но самый крайний вариант был всё-таки маловероятен, потому что никто не хочет скандалов по пустякам.

– Главная героиня ваших рисунков – Репрессия. Мне показалось, это аналог смерти – того, что в русском фольклоре называли "курносой".

– Для меня Репрессия – это визуализация информационного поля, как у Вернадского. Этот образ возник в тюрьме. Когда находишься в запертом пространстве с большим количеством людей, понимаешь, насколько податлив воздух вокруг них: когда кто-то скандалит, он электризуется, густеет, а потом снова становится свободнее – в зависимости от эмоций людей в этом запертом пространстве. Из этого наблюдения и родилась Репрессия. Я вижу её как огромное количество хаотично расположенных, острых, переломанных решёток кроваво-красного цвета, которых никто не видит, но которые обретают форму в зависимости от человеческих мыслей. Серия "Репрессионизм" – это взаимодействие людей с этим информационным полем. Люди могут его не видеть, но в зависимости от их действий и мыслей Репрессия может принимать форму предметов быта или государственных символов. Был момент, когда я увлекся Вернадским. Мне показался очень интересным образ поля вокруг людей – особенно потому, что воздух вокруг и правда как будто меняется в зависимости от эмоций. Сперва я думал закончить серию на тюрьме. Но когда вышел на свободу и прожил год в современной России, понял, что эту серию можно продолжать и на свободе.

"Слитная маршировка". Рисунок Павла Крисевича

– Я был на вашей выставке в Амстердаме, когда вы еще находились в заключении. Там были работы тюремного цикла, написанные на обрывках тюремных простыней. Поскольку вы тогда сидели, мне неловко было спрашивать у галеристов, как можно было сделать эти работы без ведома охраны, а потом передать их на волю и за границу. Понимаю, что есть тюремные секреты, но все же как это удалось?

– Это было в Бутырке, а в Бутырке достаточно свободно. Тюремная жизнь требует огромного количества простыней. Мне в какой-то момент даже казалось, что в тюрьму специально отправляют старые хлопчатобумажные простыни, чтобы их там переработали для тюремных затей: из них плетут канаты для "дорог", делают стенки между кроватями, чтобы создать хоть какое-то личное пространство. Простыни быстро изнашиваются, поэтому никому не важно, на что они в итоге уходят. Я сидел в большой камере на 40 человек, у меня было много знакомых, которые крутились в тюремном мире, и мне постоянно давали простыни, которые можно спокойно рвать на холсты. Иногда их можно было выменять за сигареты у зэков, которые работают в прачечной.

С материалами больших сложностей не было, а с передачей иногда было сложно. В Бутырке я просто написал заявление, что хочу отдать из тюрьмы лишние личные вещи. Администрации выгодно, чтобы камера не захламлялась, а вещи почему-то копятся в огромных количествах. Я грузил в сумки вещи вместе с холстами и передавал их на волю.

“ Я грузил в сумки вещи вместе с холстами и передавал их на волю

– И никто не проверял, никто не интересовался тем, что вы рисуете?

– Это ведь передается не в тюрьму, а из тюрьмы – тут уже всем всё равно. Но бывало, что работы гибли в жерновах системы. Однажды был серьезный обыск: в Бутырку приехали из управления ФСИН – громить СИЗО. Нашли мои картины под кроватью в мешке, стали их рассматривать, часть раскидали по камере, часть выкинули в коридор и сказали, что забирать их нельзя. Часть картин тогда погибла, но я их быстро восстановил. Весь стиль был построен на том, чтобы в случае чего потерянные картины можно было быстро восстановить, потому что я постоянно отправлял их почтой в конвертах. Я смотрел на это как Унабомбер, который рассылает взрывчатку по разным учреждениям. Всем, кто писал мне письма, я отвечал тоже письмами в конвертах и в каждое вкладывал по маленькой картине. Большая часть дошла до адресатов, часть – несмотря на цензуру. Мне потом говорили, что у них уже целая коллекция, и просили отправлять ещё.

– Может быть, когда-нибудь в музее ФСИН будет ваша выставка.

– Да, это уже часть тюремной культуры. В тюрьме вообще много рисуют на ткани: иконы на простынях, эскизы татуировок. Политзаключенные, которые сейчас сидят и занимаются творчеством, – те, кто ещё не доехал до колонии, где на творчество времени уже совсем нет, – продолжают делать интересные рисунки. Вот Ася Дюдяева сейчас в колонии-поселении в Карелии. Там условия свободнее, чем в колонии общего режима, и она рисует очень прикольные рисунки,

иллюстрации к скандинавским книгам, огромное количество портретов. Если хотите получить от политзаключенного интересный рисунок, напишите Асе Дюдяевой – она вам нарисует в своем стиле.

Павел Крисевич

– А вы встречали в Бутырке политзаключённых?

– До войны я был в Бутырке почти единственным политическим заключенным. Я сидел в общей камере, а политических стараются сажать на спецблок, где условия содержания лучше, но и внимания больше. Мне позволяло усиленно заниматься творчеством как раз то, что я был в общей камере, где не было видеокамер и можно было делать вообще что угодно: зэки там были практически предоставлены сами себе. Потом приехали фигуранты "Маяковского дела" Егор Штовба и Артём Камардин – мы с ними ездили в один и тот же Тверской суд в автозаках, пересекались на сборках. Однажды встретил Илью Яшина, когда он проезжал через Бутырку. И разных людей, о которых мало что известно: тех, кто пытался поджечь военкомат или совершить что-то подобное.

– Многие из них просто жертвы мошенников.

– Да. Ну и Бутырка – это СИЗО, где мало тех, кто совершил политические преступления "в лоб", вроде акционизма. Многие сидят в других изоляторах.

– А обычные зэки понимали смысл вашей акции на Красной площади?

– Все очень хорошо знают Павленского – он укоренился в сознании. Все сразу спрашивают: "Ты что, тот, кто яйца к Красной площади прибил?". И приходится объяснять. У некоторых людей очень жёсткий опыт, на них очень сильно давят – как мы видим по беспределу, который происходит в отношении Азата Мифтахова. А я сидел очень легко.

В целом зэки относятся к политическим положительно. Большая часть людей в тюрьме – оппозиционных взглядов, особенно после того, как они попали во внутренности системы: после этого они становятся очень оппозиционными. Но бывают и люди, особенно бывшие чиновники и депутаты, которые продолжают давить: "Я главный патриот", – хотя сидят уже в тюрьме за какую-нибудь коррупцию. Они, как правило, относятся к этому отрицательно. Я и таких бывших министров встречал.

– Поэт Гликерий Улунов говорит, что самое тяжёлое в тюрьме – это токсичная маскулинность тех, кто там как бы живёт: выходит и снова садится. Вы это чувствовали?

– Мне кажется, из-за того, что у меня был опыт срочной службы, мне было по боку. В какой-то момент я понял, что в любых таких условиях мне нормально. Вот и сейчас я большую часть времени живу в жилье для соискателей убежища, где тоже коллективное проживание, и не чувствую неудобств. Я как-то смирился с тем, что приходится выдерживать людей, их темперамент. Когда попадаешь в закрытое общество, находишь людей, с которыми можно общаться, и вы держитесь особнячком и занимаетесь своими делами, пока вокруг происходит тюремный хаос.

– В эмиграции акционизм умирает, и мы знаем много таких примеров. Но вы живописец и продолжаете рисовать. Вы считаете себя больше художником в классическом смысле слова, чем акционистом?

– Я бы сказал, что я мультидисциплинарный художник. В какой-то момент я понял, что сейчас меньше рисую и больше шью. Так получилось, что у меня вся одежда в гардеробе расшита вручную.

– Я как раз хотел спросить, какой дизайнер сделал вам пальто.

“ Когда попадаешь в закрытое общество, находишь людей, с которыми можно общаться, и вы держитесь особнячком и занимаетесь своими делами

– Я сам, это было очень долго. Шить я научился ещё в армии, но расшивать одежду, шить игрушки и всё такое – только в тюрьме. Сейчас у меня нет постоянного жилья, и нет смысла рисовать большие работы, а одежду пока можно запихнуть в чемодан. У меня чемодан вещей, расшитых вручную, и я постоянно хожу в своей дизайнерской одежде. Шитье у меня пока превалирует над рисованием, но я продолжаю жить акционизмом.

Я понял, что можно обратиться к такому явлению, как инструкционный акционизм: это когда пишут инструкцию к акции, чтобы кто-то в будущем, может быть, ее воспроизвел. Я беженец, который буквально ходит за бесплатной едой, чтобы потратить деньги на материалы для перформансов, и на серьезные акции мне просто не хватает средств. Поэтому я решил составить сборник идей для перформансов.

– *Как "Поваренная книга анархиста".*

– Да, как поваренная книга акциониста. Я её уже скомпоновал, там около 60 акций. Не знаю, дойдёт ли когда-нибудь до публикации, у меня огромное количество неизданных рукописей. Если художник – это человек, который постоянно находится в творческом процессе и живёт творчеством, то, наверное, я художник. Я не вижу своей жизни без этого. Меня буквально начинает ломать, если в этом месяце я не сделал какую-нибудь акцию.

– *Вы говорили, что расшили футбольную форму. Для какой команды?*

– Для команды "Репрессия". Мы сейчас общаемся с журналистами *Le Monde*, хотим снять презентацию этой формы. Через *Le Monde* я хочу обратиться к футбольным командам Европы с призывом устроить благотворительный матч, где профессиональная команда сыграет с командой "Репрессия" и разгромит ее в пух и прах.

– *А кто войдёт в вашу команду?*

– Это как раз из концепции инструкционного акционизма. По моей задумке в команду могли бы войти какие-нибудь медийные люди из российской оппозиции, чтобы привлечь больше внимания. Но на самом деле это может быть кто угодно, потому что суть в том, что "Репрессия" должна проиграть.

– А деньги – в помощь политзаключенным?

– Да, деньги – политзаключенным. Я профессионально занимался футболом до 15–16 лет и примерно знаю, как устроен этот мир: менеджеры футбольных команд периодически обращаются к благотворительным проектам. Но именно такой идеи благотворительного матча я пока не видел. Пусть европейский футбол победит "Репрессию" и поможет политзаключенным в России выдержать испытания, через которые они проходят в тюрьмах. Это и есть акционизм: мы встраиваемся в привычный ритуал футбольного матча, который люди сейчас, во время европейских турниров, смотрят буквально каждый день. Пусть хоть один матч приобретет в глазах людей политическое измерение.

– Париж уже третий век притягивает художников со всего мира. Чувствуете ли вы себя своим в парижской арт-атмосфере?

– Пока нет. Я позиционирую себя как художник, но мне приятнее находиться в активистской, околополитической среде. Чтобы решиться на серьезные политические акции, нужно владеть навыками политического активизма: уметь что-то организовать, куда-то пройти, как-то взаимодействовать с полицией.

СМОТРИ ТАКЖЕ

"Госсатанизм" и "Ария иноагента". "Художники против Кремля" в Амстердаме

– Вы оказались в Париже в интересное время политической нестабильности, повсюду акции протеста. Вам нравится то, что происходит на улицах?

– Пока это идет фоном. Но я понимаю, что французы имеют право высказываться о наболевших проблемах, и я не против этого. В одной из последних акций я сослался на благотворительную инициативу 2018 года, когда производители протезов надели протезы на статуи в саду Тюильри. Я тоже сделал руку и прицепил её на статую молодого фавна в парке Монсо. Она там провисела, пока ее не сняли сотрудники парка. Это была отсылка к тому, что некоторые протестующие потеряли руки, когда пытались откинуть светошумовые гранаты. Естественно, это было моё мнение: протестующим не надо кидать гранаты обратно, а полиции не стоит стрелять по протестующим. Протесты лицеистов уже были здесь в 1990 году – примерно в таком же масштабе и в таких же красках. Мы все знаем, что это закончится тем, что государство начнет нормально финансировать образование, и жизнь лицеистов улучшится. Протестующим просто нужно без перегибов и

внешних провокаций продолжать доносить до правительства своё мнение. Они этого добьются, как добились в 1990 году.

– Скучаете ли вы по России, чувствуете ли ностальгию? Ваша жена поехала туда, несмотря на все риски. Есть ли у вас желание, как у героя набоковского "Подвига", тайно перейти границу и снова оказаться в России? Хотя бы в фантазиях. Или вы поставили на этом крест?

– Нет, у меня слишком много исторических параллелей. Борис Савинков тоже однажды тайно перешёл границу...

> **Если в России начнётся дурдом – с переворотом, со сломанной системой, – то у многих людей что-то щелкнет в голове, и они начнут стремиться туда**

– И членов НТС забрасывали после войны.

– Да, много исторических параллелей вспоминается. Я очень не хочу в какой-то момент "выброситься из окна" на Лубянке или что-нибудь в этом духе. Когда ты уже однажды попал в тюрьму по политическому делу, тем более на такой срок – пусть три с половиной года, это мизерный срок по сравнению с тем, что сейчас дают по делам о "дискредитации" и "фейках", – во второй раз попасть в тюрьму по политическому делу...

– Да и главное – зачем.

– Вот именно. Когда власть меняется и становится другим государство, можно снова через это прокрутиться – как было и есть в случае Бориса Кагарлицкого, который успел посидеть и при советской власти, и при Ельцине, и при Путине. Всех призываю поддерживать Бориса Кагарлицкого.

– Вы надеетесь дождаться смены власти в России и вернуться?

– Да, тогда можно вернуться и попытаться что-то там провернуть. Я думаю, если в России начнётся какой-то дурдом – с переворотом, со сломанной системой, а у него, вероятно, большие шансы начаться после смерти Владимира Владимировича, – то у многих людей что-то щелкнет в голове, и они начнут стремиться туда – чтобы задокументировать происходящее, чтобы поучаствовать в этом или как-то повлиять на процесс. Я адреналиновый наркоман и думаю, что меня начнёт ломать, как это было в 2020 году, когда начались протесты в Беларуси: мне очень хотелось туда поехать. То же самое будет у большей части политических активистов. Но пока мы находимся в этом витке, когда гайки закручены, идут

массовые политические репрессии и любое возвращение в Россию равно тюрьме, я думаю, возвращаться нет смысла – по крайней мере мне. И всем, кто сейчас находится в Европе как беженцы, думаю, стоит понимать, что возвращаться в Россию сейчас большого смысла нет.

Дмитрий Волчек

Общество | Культурный дневник | Выбор Свободы